

Тело скелета было обмотано окровавленными бинтами, и он планировал выползти из-под кровати, чтобы напасть на Бай Лисиня.

Как раз когда он собирался продолжить вылезать, из-за кровати внезапно появилась голова и врезалась прямо в поле зрения скелета.

Потом голова вытянула улыбку.

Рука, которую протягивал скелет, вдруг замерла: «....»

Черт, вообще не было звука; это было страшно!

Через пару секунд скелет словно вспомнил, для чего он здесь.

Он внезапно широко открыл пасть и собирался броситься на Бай Лисиня.

Глаза Бай Лисиня были быстрыми, и его руки были быстрыми. Его тонкая рука просунулась под кровать и схватила скелета за подбородок, в то время как другая рука потянулась ко рту в движении «шиш».

Тсс, не шуми, они все спят.

Скелет в шоке посмотрел на Бай Лисиня. Он попытался вырваться, но обнаружил, что сила его противника настолько велика, что он не может вырваться. Когда он изо всех сил пытался вырваться из лап Бай Лисиня, с ним случилось нечто еще более ужасное.

Бай Лисинь взял его за голову и пытался вытащить из-под пола!

Скелет был в панике.

Он изо всех сил пытался втянуть свое тело обратно в пол, его костлявая ладонь тяжело шлепалась по бетонному полу, издавая хлопающий звук.

Кто-то перевернулся, и Бай Лисинь выпустил его руку. Скелет тут же уполз, как вьюн, когда получил брешь.

Бай Лисинь с сожалением посмотрел на пустое дно кровати.

Легкий вздох, который мог слышать только Ди Цзя, эхом разнесся по воздуху: «Ты только пришел, не спеши уходить».

Ди Цзя, «...»

—

[Это здесь! Бай Лисинь произносит еще одно замечание, которое пугает монстров!]

[Бай Лисинь все тот же Бай Лисинь. Призрак действительно испугался. Глядя на урон, полученный проклятием, оно действительно приносит психологическое облегчение.]

[Другие игроки сталкиваются с призраками: Игроки бегут! Бай Лисинь встречает призрака: призраки бегут!]

[Странно, разве не сказано, что проклятия больше всего пугают игроков? Почему в первый раз это были волосы, а во второй — скелет?]

[Это потому, что Бай Лисинь ничего не боится, верно? Проклятие также не знает, чего боится Бай Лисинь, поэтому оно просто посылает вещи, которых люди обычно боятся, чтобы испытать его, как будто это попытка сыграть в лотерею.]

[Блять, он ничего не боится? Он дьявол?]

[Не повезло столкнуться с Бай Лисинем.]

—

На следующий день Бай Лисинь проснулся от яркого солнца вместе с Хо Юньцзюнем, мужчиной, который обсуждал сотрудничество.

Все остальные еще спали, даже Вэнь Цзыцин еще не встал.

Они посмотрели друг на друга через несколько кроватей, и Бай Лисинь услышал уведомление в опции [Друзья].

[Динь! Хо Юньцзюнь просит добавить вас в друзья.]

[Принять/отклонить]

Бай Лисинь нажал «Принять», и приватный чат Хо Юньцзюня быстро открылся.

Хо Юньцзюнь: [Что ты думаешь?]

Бай Лисинь: [Я принимаю твое сотрудничество. Когда ты пойдешь?]

Хо Юньцзюнь: [Я знал, что ты умный, иметь дело с умными людьми удобно. Давай же теперь обсудим. Днем Кровавых меньше, поэтому шансы, что нас обнаружат, меньше.]

Бай Лисинь изначально планировал пойти либо самостоятельно, либо с Ся Чи.

В конце концов, он получил родоначальника клана Крови. Некоторые вещи было бы трудно объяснить, если бы он действовал с другими незнакомыми людьми.

Но из-за проклятия оба варианта пришлось отложить.

Действуя по своему усмотрению, проклятие будет участвовать в скрытой атаке, и если проклятие вызовет что-то, что побеспокоит Кровавых, оно помешает его расследованию.

Играть с Ся Чи означало двойное проклятие и двойное волнение.

Ся Чи был настолько робок, что испугался бы до смерти.

Через полчаса Бай Лисинь закончил умываться, но большинство игроков еще отдыхали.

Вэнь Цзыцин ошеломленно открыл глаза. Он нежно улыбнулся Бай Лисиню, увидев его, и сказал тихим голосом: «Ты уходишь?»

Бай Лисинь кивнул: «Да, чтобы продолжить расследование».

Вэнь Цзыцин: «Ну, давай».

Шаги, которые вот-вот должны были уйти, остановились, и Бай Лисинь посмотрел на заспанного Вэнь Цзыцина: «Ты не собираешься расследовать?»

Вэнь Цзыцин: «Я подожду, пока все проснутся».

Бай Лисинь задумался на несколько секунд: «Ты действительно тактичен».

Улыбка тронула уголки рта Вэнь Цзыцина: «Это то, что я должен делать».

Кровавых в коридоре было значительно меньше. Яркий солнечный свет проникал сквозь окна в древний и величественный замок, разгоняя весь мрак.

Хо Юньцзюнь шел впереди, а Бай Лисинь шептал Ди Цзя позади него: «Ты сказал, что прошлой ночью игрок был под властью. Кто это был? Вэнь Цзыцин?»

Ди Цзя: «Не знаю, контроль действует прямо на душу. Я заметил это только из-за небольшой силы, которая выплескивалась, когда они были эмоционально обеспокоены».

«Но сила была слишком незаметной в толпе».

Хо Юньцзюнь провел Бай Лисиня по коридорам, и вскоре они пришли в вестибюль древнего замка. Именно здесь они были вчера, когда впервые вошли в копию. В отличие от прошлой ночи, когда Кровавые собрались вместе, теперь зал был пуст. Великолепный трон по-прежнему твердо стоял на ступенях, глядя вниз, как император.

Они прошли еще немного, миновав подземную лестницу.

Хо Юньцзюнь остановился здесь и указал на ту подземную лестницу: «Вчера сюда вошла пятая группа. Я вышел отсюда как раз вовремя, чтобы наткнуться на них».

Бай Лисинь стоял на лестнице и смотрел вниз. Было явно дневное время, но света не было.

Только лестница, ведущая вниз, была немного освещена, а затем спускалась в крошечную тьму.

Хо Юньцзюнь: «Не делай глупостей вроде входа. Хотя мне не нравится Вэнь Цзыцин, он прав. Не играй со своей жизнью, так как кто-то уже разведал дно для нас. Ты можешь не знать об этом, просмотрев только одну копию, но в некоторых из этих копий действительно есть места для ошибок».

«Эти места не имеют никакого отношения к очистке копии, но они чрезвычайно опасны. Эта лестница должна вести к одному из этих мест для ошибок, так что не ходи туда».

«Я не знаю, что происходит с этой игрой. Сказать, что это не здорово, это ничего не сказать. Она может легко создавать такие реалистичные копии. Сказать, что это круто, тоже неправильно, потому что на каждом шагу вылезает куча багов, а исправлять их лень».

«Как и твоя предыдущая пробная копия [Невеста Речного Бога], на самом деле это копия с ошибками. Однажды она была заблокирована, когда вышла, потому что это было слишком сложно, но по какой-то причине она внезапно открылась и втянул вас».

Бай Лисинь отвел взгляд от нижней части глубокой лестницы: «В игре много ошибок?»

Хо Юньцзюнь жестом приказал Бай Лисиню быстро уйти: «Вероятность невелика, но она не

может охватывать большое количество копий. Но если посчитать число, оно составит много».

Они заговорили, когда свернули в небольшой коридор.

Галерея была под открытым небом, с каменной крышей, с которой свисали пышные фиалки.

После еще одной короткой прогулки они вошли в небольшой боковой зал старого замка, а затем остановились в конце одного из коридоров.

Как и сказал Хо Юньцзюнь, в конце коридора была комната с двумя сложными змеиными тотемами, инкрустированными золотом на двери.

Это была большая комната, но она не была заперта. Хо Юньцзюнь осторожно толкнул дверь комнаты и вошел вместе с Бай Лисинем.

Удивительно, но это была художественная мастерская с огромным окном от пола до потолка в стене. Яркий и ослепительный солнечный свет проникал через окно и падал на картину маслом в самой середине. Женщина на картине сразу же залилась солнечным светом, все ее лицо источало божественную ауру.

У женщины на картине были красивые белокурые кудри, и она была одета в ярко-красное большое платье с аристократическими плиссированными оборками. В руке у нее был красивый горшок с розами, но земля рядом с ней была немного рыхлой, и из грязи смутно выглядывал белый скелет.

Выражение лица женщины также было очень интригующим.

Ее лицо улыбалось, а нежный водянистый взгляд был устремлен на розы в горшке. Однако краем глаза она, казалось, смотрела на скелет на грязной дорожке.

Четыре стены были покрыты картинами, а на полу было множество нитей панелей. На всех изображена одна и та же женщина, леди Роуз.

Различные формы роз на портретах показывают, насколько тщательно художник рисовал их.

Бай Лисинь оглядел мастерскую и заметил, что Леди Роуз на этих картинах не одного возраста. Самой юной Леди Роуз на картине было всего семь или восемь лет, она держала красивый букет роз и улыбалась. Сзади стояли другие фигуры двенадцати-тринадцати, пятнадцати-шестнадцати и двадцати с чем-то лет.

Бай Лисинь остановился перед картиной.

Леди Роуз на этой картине выглядела в том возрасте, в котором он видел ее на момент ее смерти.

Легкомысленное сияние ее лица померкло, сменившись спокойствием и благородством.

Под глазами появились мешки, и даже на шее появились тонкие морщинки.

Хо Юньцзюнь подошел и вздохнул: «Это мистер Мо нарисовал все это? Похоже, мистер Мо действительно любит леди Роуз. Мало того, что он нарисовал ее детство и юность, он даже нарисовал ее в среднем возрасте».

Бай Лисинь: «Подойди и посмотри на это».

Бай Лисинь подошел к самой первой картине семилетнего ребенка и остановился.

Хо Юньцзюнь посмотрел и воскликнул: «Это очень красивая картина. В чем дело?»

Бай Лисинь: «Посмотри на ее глаза».

Хо Юньцзюнь послушно посмотрел в глаза маленькой девочки: «Глаза очень милые, что...»

Слова Хо Юньцзюня замерли на месте, а его глаза расширились: «Карие глаза? Леди Роуз в этот момент не была Кровавой?! Ты имеешь в виду, что Леди Роуз была человеком, которого приняли как Кровавую?!»

Бай Лисинь снова продолжил, бормоча на ходу: «Они были коричневыми даже в одиннадцать или двенадцать лет и оставались коричневыми в пятнадцать или шестнадцать».

Прямо перед картиной он вдруг остановился: «Вот теперь красные глаза».

На картине изначальная жизнерадостная улыбка девушки померкла, сменившись благородством и мягкостью. Некогда янтарные карие глаза девушки теперь сменились рубиновыми.

На картине в правом нижнем углу была написана строка, которая гласила: «Обряд посвящения», нарисованный Генри.

Изначально обычная человеческая женщина, Леди Роуз завершила свое первое превращение и присоединилась к миру Кровавых в год своего восемнадцатилетия.

Бай Лисинь сделал несколько шагов назад, вытягивая его из одной картины в положение, в

котором он мог взять все картины сразу.

Один лист закрывает глаза, и гору Тай не видно.

* Не видно всей картины из-за узкого мышления.

Когда все портреты были на виду, Бай Лисинь заметил явную разницу в картинах. Половина из них принадлежала нежной и прекрасной леди Роуз, а другая половина — нежной и благородной леди Роуз.

Наполовину невинная, наполовину элегантная.

Это было так, как будто одного человека разделили на две части.

Хо Юньцзюнь, похоже, тоже заметил проблему: «Изменился ли резко темперамент леди Роуз из-за ее первого превращения? Как получилось, что портреты вдруг изменились?»

Хо Юньцзюнь опустил голову и серьезно подумал: «Бай Лисинь, как ты думаешь, возможно ли, что это два человека?!»

«Эта благородная женщина — истинная любовь мистера Мо, его белый лунный свет, а нынешняя леди Роуз, по сути, ее заместитель!»

Бай Лисинь задумался. Он не мог сказать ни да, ни нет, потому что не было абсолютного доказательства существования его настоящей любви.

Но какое это имеет отношение к смерти леди Роуз?

Леди Роуз умерла со всем обескровленным телом, и, согласно тому, что Ся Чи слышал от Кровавых, она никогда в жизни не выходила на улицу, и для нее было почти невозможно завести врагов с кем-либо.

Почему кто-то хотел проклясть ее?

Был ли человек, который хотел проклясть леди Роуз, тем, кто убил ее? Или это был кто-то другой?

Один вопрос за другим возникали в его голове, и каждый помещался в одну маленькую шкатулку за другой.

И ключ к открытию шкатулок требовалось, чтобы они нашли сами.

Хо Юньцзюнь: «Здесь больше не должно быть подсказок. Давай уйдем. Время истекает, так что пойдем куда-нибудь еще».

Бай Лисинь снова обвел взглядом комнату для рисования. Он уже собирался уходить, как вдруг кое о чем подумал и повернул обратно в мастерскую.

Он стоял перед двумя изображениями, тщательно сравнивая различия между двумя картинами.

Хо Юньцзюнь: «Что ты снова нашел?»

Взгляд Бай Лисиня тщательно пробежался по всем линиям, не пропуская ни единого следа.

Наконец, он указал на две картины и сказал: «Может быть, нет двух Леди Роуз. Причина, по которой выражения лица леди Роуз так сильно меняются на картинах, заключается в том, что это два художника».

«Посмотри, как двигается кисть на этих двух картинах; они разные. У художников разные манеры рисования, и что-то вроде этого должны были написать два разных человека».

Хо Юньцзюнь посмотрел в направлении пальца Бай Лисиня и действительно увидел, что кончики кистей не совсем одинаковы. Левая сторона написана в нежном стиле, с наложением красок по крупницам, а правая — в диком стиле, большими облаками краски, подчеркивающими и грубо ретуширующими холст.

Почерк на двух картинах также был разным. Подпись слева была элегантной. Напротив, надпись справа была очень дикой, как развевающийся ветром свиток.

Хо Юньцзюнь: «...»

Я понимаю вывод, но почему художников двое? И вообще, кем были эти два художника?

Бай Лисинь: «Ты заметил трость мистера Мо? На его трости изображен его фамильный герб. Это метка, которую может использовать только семья, и на двери в эту комнату для рисования есть такая метка».

«Это означает, что эта комната доступна только для самого благородного ортодоксального статуса, то есть для мистера Мо и его сына».

— Это все подписано Генри. Генри существует как фамилия, поэтому двумя художниками могут быть мистер Мо и его сын».

У Хо Юньцзюня отвисла челюсть: «Не может быть, это любовный треугольник собачьей крови, где отец и сын одновременно смотрят на одну и ту же женщину, только для того, чтобы сын не смог схватить женщину, а старик принимает первое объятие своей возлюбленной для себя?!»

Бай Лисинь, который вспомнил энергичные движения мистера Мо в комнате леди Роуз: «...».

Идея была смелой, но он пока не мог ее даже опровергнуть.

Вполне возможно, что такая болезненная любовь возможна.

—

Комната прямых трансляций

[Э-э, у нас с этим парнем Хо Юньцзюнем одна и та же идея.]

[Ах, двое мужчин и женщина... первое, что приходит на ум, это любовный треугольник.]

[Я смотрел эту копию [Клана Крови] дважды. Последние игроки из предыдущего раунда тоже нашли эту комнату для рисования, но не заметили, что там было два художника, что немного обидно.]

[Я тоже видел эту версию. Кровавые настолько угнетают игроков. Мы, люди, гордимся тем, что находимся на вершине пищевой цепи, но когда мы входим в эту копию, мы становимся чьей-то едой. Несоответствие крайнее.]

[Этот Хо Юньцзюнь кажется нормальным, он не товарищ по команде *свинья.]

* Товарищ по команде или союзник, который больше мешает, чем помогает.

[Вэнь Цзыцин, кажется, тоже хорош; прошлой ночью он провел для игроков просветительский урок. Он даже проснулся рано утром, но ждал других игроков, чтобы они могли действовать сообща. Он очень ответственный.]

[Люди из гильдии третьего ранга действительно другие.]

—

Двое мужчин вышли рано утром на разведку и не ели со вчерашнего вечера. Бай Лисинь был в порядке, но Хо Юньцзюнь был голоден.

Как только Хо Юньцзюнь собирался пойти куда-нибудь поесть, раздалась системная подсказка.

Система: [Динь! Доброе утро всем игрокам. Пожалуйста, пройдите в столовую Пища, чтобы поесть.]

Система: [Дружеское напоминание: Пожалуйста, соблюдайте столовый этикет во время еды и не издавайте ни звука. Если вы издадите звук, Кровавые заклеят вас как грубого и варварского, а затем заберут и будут пировать.]

Через десять минут все игроки появились в ресторане для гурманов.

Так называемая столовая Пища представляла собой просто огромную комнату с длинным столом посередине. Много мест было размещено в конце стола, и перед каждым сиденьем стояла серебряная тарелка с едой.

Вокруг стола стояли охранники, которые пристально наблюдали.

Все осторожно отодвинули свои стулья, как вдруг один игрок случайно наткнулся на игрока рядом с ним.

Раздался «скрип», когда стул заскреб по полу.

<http://bllate.org/book/15650/1399895>